

НОВЫЕ ГРАНИ «СТАРОЙ» ЗАДАЧИ

Каков должен быть восточный вектор российской энергетической политики?

А.И. Громов,

кандидат географических наук,

заместитель генерального директора по науке

Институт энергетической стратегии

(журнал "Нефть России", № 11 2010 г., стр. 28–31)

В последние годы российские власти уделяют повышенное внимание проблемам Сибири и Дальнего Востока. С завидной регулярностью эти регионы посещают первые лица государства, в прессе то и дело сообщают о завершении грандиозных «долгостроев» типа трассы «Чита-Хабаровск» и о запуске новых мегапроектов нашего времени: от завода по сжижению природного газа на Сахалине до первой очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».

Наблюдаемый сегодня крен российской политики на восток тесно связан с огромными перспективами региона для будущего развития страны, особенно для кровеносной системы российской экономики – нефтегазового комплекса. Очевидно, что в регион пришли огромные деньги и региону уделяется повышенное внимание со стороны государства, однако достаточно ли этих усилий для его развития и не получится ли из восточного проекта российской власти очередной потемкинской деревни? Ответить на этот вопрос, можно только оценив системность усилий властей по развитию нефтегазового комплекса региона через призму принятых в последние годы стратегических документов и реальных результатов проводимой в регионе энергетической политики. Не менее важно при этом понять, а есть ли реальный потребитель у готовящихся к освоению углеводородных ресурсов Востока России...

Трубы идут на восток

Развитие энергетики на Востоке страны всегда было одним из важнейших приоритетов российской энергетической политики.

В частности, Энергетическая стратегия РФ на период до 2030 г. (ЭС-2030) отводит восточному вектору особую роль, которая закреплена во всех разделах документа. Так, сводный план, или «дорожная карта» мероприятий государственной энергетической политики предусматривает:

- в части диверсификации экспортных энергетических рынков (задача №19) *«доведение доли стран Азиатско-Тихоокеанского региона в структуре российского экспорта топливно-энергетических ресурсов до 26 - 27 процентов к 2030 году»;*

- в области стимулирования производства, экспорта и внутреннего потребления энергоносителей с высокой добавленной стоимостью (задача №10) *«осуществление комплекса программных мер по развитию нефте- и газохимии в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке»*, имеющих критически важное значение именно для восточных регионов страны;

- в сфере развития и повышения эффективности использования человеческого потенциала в энергетическом секторе (задача № 17) *«расширенное воспроизводство и привлечение кадрового потенциала для освоения новых районов Восточной Сибири и Дальнего Востока»*.

Три из пяти ключевых стратегических инициатив развития топливно-энергетического комплекса России, прописанных в стратегии, напрямую затрагивают проблемы долгосрочного развития нефтегазового комплекса на Востоке России. Формирование там нефтегазовых – на континентальном шельфе острова Сахалин, в Республике Саха (Якутия), Магаданской, Иркутской областях и Красноярском крае - вкуче с созданием производственной, транспортной и социальной инфраструктуры позволит не только обеспечить собственными энергетическими ресурсами указанные регионы, но и диверсифицировать экспортные поставки российских углеводородов, направив их в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Вовлечение в промышленное освоение сложнокомпонентных углеводородных ресурсов региона даст импульс развитию нефтехимического и газохимического производства, будет способствовать опережающему социально-экономическому развитию районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, обеспечит темпы роста ВРП, превышающие средние по стране не менее чем на 0,5 - 1,5 % в год.

В перспективе, после 2020 г., предусматриваются освоение шельфа Восточной Арктики и реанимацию Северного морского пути. Последний в условиях происходящих сегодня климатических изменений и таяния арктических льдов способен стать катализатором развития северных территорий и акваторий, а также одной из важнейших транспортно-энергетических артерий, соединяющих Европейский Центр и восточные регионы страны.

Совершенствование и территориальная диверсификация энергетической инфраструктуры предусматривает реализацию важнейших инфраструктурных проектов в восточной части страны, к числу которых относится завершение строительства ВСТО, осуществление Восточной газовой программы, создание системы нефте- и газохимических производств.

ЭС-2030 учитывает «восточный вектор» не только на уровне комплексных задач, стоящих перед российским топливно-энергетическим комплексом и зафиксированных в перечне стратеги-

ческих инициатив и приоритетов региональной и внешней энергетической политики, но и на уровне отдельных секторов и отраслей энергетики.

Так, развитие нефтяного комплекса в Восточной Сибири предусматривает освоение и промышленную разработку месторождений нефти в Ванкорско-Сузунском районе на северо-западе Красноярского края, вдоль трассы нефтепровода Восточная Сибирь - Тихий океан в Красноярском крае, Иркутской области и Республике Саха (Якутия) (Верхнечонское, Талаканское, Среднеботуобинское, Юрубчено-Тохомское и другие месторождения). На Дальнем Востоке будет осуществляться эксплуатация производственных объектов проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» и т.д.

В новых регионах добычи будут созданы крупные нефтяные комплексы, сочетающие предприятия по добыче и переработке нефти и попутного нефтяного газа, а также нефте- и газохимические производства. В части развития транспорта нефти важнейшей задачей остается завершение строительства нефтепровода ВСТО, первая очередь которого была запущена в декабре 2009 г.

Стратегия развитие газовой промышленности на период до 2030 года предполагает формирование крупных центров газодобычи на Востоке РФ:

- Сахалинского — на базе месторождений шельфовой зоны острова Сахалин (проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2») с дальнейшим развитием центра за счет реализации проектов «Сахалин-3», «Сахалин-4», «Сахалин-5» и «Сахалин-6».
- Якутского — на основе Чайядинского месторождения, с перспективой освоения соседних месторождений - Среднеботуобинского, Таас-Юряхского, Верхневилучанского и других;
- Иркутского — на базе Ковыктинского месторождения с перспективой освоения Южно-Ковыктинской лицензионной площади и месторождений севера Иркутской области;
- Красноярского — на основе Собинско-Пайгинского и Юрубчено-Тохомского месторождений с перспективой освоения Оморинского, Куюмбинского, Агалеевского и других.

В рамках реализации программы создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы газоснабжения будет проводиться поэтапное формирование системы газопроводов в этих регионах России для поставок газа в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь в Республику Корея и Китай.

Дальнейшее развитие получит производство СПГ на базе месторождений о-ва Сахалин и его экспорт в страны АТР, а также проводимая сегодня программа газификации Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Планируется строительство новых газоперерабатывающих и газохимических комплексов, в том числе в Восточной Сибири для обеспечения комплексной переработки углеводородного сырья и производства продукции с высокой добавленной стоимостью.

Системный подход – что это такое?

Задачи, поставленные в Энергетической стратегии, безусловно, правильные и жизненно важные для Востока России, однако правильная постановка задачи еще не означает ее решения. Утвержденная стратегия не имеет прямого действия, это лишь основа для разработки других документов. Она не может и не должна подменять собой программы (генеральные схемы развития отраслей и регионов, инвестиционные планы энергетических компаний). ЭС-2030 задает рамки формирования поля взаимоувязанных стратегических документов разного уровня.

И вот в этом вопросе российская политика на Востоке сделала существенный шаг вперед. Фактически уже можно говорить о построении стройной взаимоувязанной системы стратегических документов во главе с ЭС-2030, в состав которого входят:

- «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.»;
- «Стратегия развития ТЭК Восточной Сибири и Дальнего Востока до 2030 г.»;
- «Программа развития нефтеперерабатывающих мощностей в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока»;
- «Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи и транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР» и др.

События последних лет показали, что наиболее перспективным рынком для российских энергетических ресурсов во все большей степени становится Азиатско-Тихоокеанский регион, где спрос на энергоресурсы продолжил свой рост, несмотря на разразившийся мировой экономический кризис. Так, спрос только на газопроводные поставки из России в Китай и Корею оценивается на уровне 30-68 млрд куб. м. Потенциал трубопроводных поставок российского газа в страны АТР к 2020 г. можно оценить в диапазоне 25-50 млрд куб. м/год, а к 2030 г. он может составить 60-90 млрд куб. м (с учетом СПГ).

Нефтяной рынок АТР также можно охарактеризовать как весьма перспективный. Основным импортером российского «черного золота», очевидно, останется Китай, который уже сегодня покупает до 20 млн т сырья. Но в будущем закономерно ожидать роста спроса со стороны Японии, Южной Кореи и т.д.

Таким образом, страны АТР в долгосрочной перспективе являются наиболее перспективным рынком для российских энергоресурсов, что, учитывая богатый ресурсный потенциал восточных регионов нашей страны, делает задачу диверсификации экспорта одной из ключевых в рамках реализации ЭС-2030.

Первые итоги и будущие риски

Первые итоги выполнения ЭС-2030 показывают, что, несмотря на экономический кризис и ряд серьезных чрезвычайных ситуаций, таких как авария на Саяно-Шушенской ГЭС или российско-украинский газовый кризис зимы 2009/2010 гг., развитие российского топливно-энергетического комплекса в целом осуществляется в русле намеченной стратегии.

При этом наиболее существенные результаты реализации наблюдались именно на Востоке страны, в том числе:

- рост доли Восточной Сибири и Дальнего Востока в добыче нефти с 3% до 4,6% (ориентир на конец 1 этапа реализации ЭС-2030* – 10-12%), газа – с 2% до 3,7% (ориентир – 7-8%);
- увеличение доли СПГ в структуре экспорта газа с 0% до 3,5% (ориентир – 4-5%);
- расширение доли стран АТР в экспорте «голубого топлива» с 0% до 3,5% (ориентир – 11-12%).

Так, основной прирост добычи нефти в стране был обеспечен за счет эксплуатации Ванкорского (введено в промышленную эксплуатацию в 2009 году), Верхнечонского и Талаканского месторождений Восточной Сибири, а также окончания строительства нефтепроводной инфраструктуры и обеспечения круглогодичной эксплуатации объектов морской добычи в рамках проекта «Сахалин-2».

В декабре 2009 года введена в эксплуатацию первая очередь ВСТО, обеспечившая нефти восточносибирских месторождений выход на экспортные рынки стран АТР.

Благодаря запуску в эксплуатацию в феврале 2009 г. в рамках проекта «Сахалин-2» первого в России завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) мощностью 9,6 млн т в год Россия начала собственное производство СПГ, развитие которого является стратегической задачей для российской энергетики.

В июле 2009 года началось сооружение магистрального газопровода Сахалин-Хабаровск-Владивосток, ввод в эксплуатацию первого пускового комплекса которого мощностью 6,5 млрд куб. м/год намечен на III квартал 2011 года.

Вместе с тем, осторожный оптимизм первых результатов реализации ЭС-2030 на Востоке России не должен вводить в заблуждение. Сохраняются существенные риски и неопределенности, связанные с развитием нефтегазового комплекса региона. К их числу следует отнести:

* В соответствии с утвержденной методологией, реализация Энергетической стратегии России на период до 2030 года предусматривает три этапа. Ожидаемые сроки завершения первого этапа – 2013-2015 гг., ожидаемые сроки завершения второго этапа – 2020-2022 гг., ожидаемые сроки завершения третьего этапа – 2030 г.

- 1) неясные параметры спроса на углеводороды Восточной Сибири и Дальнего Востока, особенно в части экспортных поставок,
- 2) вопрос о достаточности и адекватности ресурсной базы для строящейся сегодня нефтегазовой инфраструктуры,
- 3) смутные перспективы нефте- и газохимии.

Что касается первого пункта, тот тут краеугольным камнем служит долгосрочная позиция Китая – потенциально основного потребителя российских энергоресурсов в регионе. По данным государственной статистики КНР, в 2009 г. страна была вынуждена импортировать порядка 200 млн т сырой нефти (при объеме добычи внутри страны - 189 млн т) и не менее 37 млн т нефтепродуктов. При этом потребление газа в Поднебесной достигло 87,5 млрд куб. м при общем объеме собственной добычи – 83 млрд куб. м. Вместе с тем, спрос на «голубое топливо» в стране растет очень быстрыми темпами, на уровне 10-12% в год, тогда как добычи ежегодно увеличивает лишь на 6-8% в год.

Планы китайских властей по созданию общества «малого благоденствия» к 2020 году предполагают кардинальное увеличение энергопотребления. Так, по данным Института энергоресурсов Госкомитета развития и реформы КНР, чистый импорт нефти к 2020 году вырастет с нынешних 200 до 250 млн т, а газа – с 0 до 100-150 млрд куб. м в год.

Таким образом, формально Китай имеет все возможности стать ключевым потребителем российских энергоресурсов, однако, де факто, ситуация не столь однозначна.

Так, КНР рассчитывает увеличить импорт сырой нефти лишь на 50 млн т в ближайшие 10 лет, что для России означает постепенное увеличение поставок по китайской ветке ВСТО в пределах 30 млн т, что пока не дает оснований для строительства второй очереди нефтепровода на 50 млн т, поскольку ни Япония, ни Корея, ни США, очевидно, не нуждаются в таком объеме российской нефти. Большой вопрос также возникает в связи с планами строительства российского НПЗ мощностью 15 млн т на конце ВСТО, поскольку Китай занимает жесткую позицию в отношении увеличения импорта нефтепродуктов. Для Поднебесной, очевидно, выгоднее, закупки российской сырой нефти для нужд активно развивающейся собственной нефтепереработки на востоке страны.

Что касается газа, то Китай также заблаговременно заказал 24 млрд куб.м СПГ (поставки начнутся с 2011 г.) и законтрактовал 40 млрд куб. м «голубого топлива» в год из Туркменистана. Таким образом, уже сегодня «незакрытые» потребности КНР в импорте природного газа сузились до 36-86 млрд куб. м. Более того, к 2020 году добыча сланцевого газа в стране может составить 15-30 млрд куб. м, что еще больше снизит потребности в импорте энергоносителей из России.

Политика Китая, направленная на заблаговременное предупреждение чрезмерно высокой зависимости страны от импорта углеводородов, усиливается негибкой позицией российской стороны в переговорах о цене российского газа для китайских потребителей. Сегодня уже очевидно,

что 450 долл. за тыс. куб м (цена российского газа, который может поставляться по газопроводу «Алтай») – неприемлемый уровень для Пекина. Ведь КНР уже приобретает газ из Туркменистана по цене в 170 долл. за тыс. куб. м.

Таким образом, сегодня у российских энергоресурсов, по-прежнему, нет устойчивых гарантий сбыта на Востоке, во всяком случае, в масштабах, заложенных в стратегические документы. И этот фактор может стать тормозом практически всех нефтегазовых проектов на Востоке, за исключением, быть может, сахалинских. То есть предпринимаемые сегодня колоссальные усилия властей по развитию нефтегазовой инфраструктуры региона могут быть сведены на «нет». И очень не хочется, чтобы ВСТО стало нефтяным «БАМом», а реализация Восточной газовой программы – потемкинской деревней XXI века.

В отношении ресурсной базы главные опасения касаются возможностей наполнения второй очереди ВСТО, поскольку сегодня нефтегазовые месторождения в зоне трубопровода не обеспечивают проектную мощность нефтепровода в 80 млн т. Решить проблему призвано строительство магистрали Заполярное-Пурпе, которая после соединения с нефтепроводом Пурпе-Ванкор позволит перебрасывать ямальскую нефть на Восток. В августе этого года было принято принципиальное решение о запуске этого проекта, ввод в эксплуатацию которого можно ожидать не ранее 2015 года. Однако не совсем очевидна необходимость строительства второй очереди ВСТО, так как это еще больше запутывает ситуацию вокруг ресурсной базы проекта.

Данный вопрос тесно связан с их сложнокомпонентным составом на Востоке страны и проблемой развития нефте- и газохимии в регионе. Экономические расчеты показывают, в частности, что цена поставки сложнокомпонентного газа с Ковыктинского месторождения (без выделения гелия) в Китай через Забайкальск на границе не превысит 150 долл. за тыс. куб. м., что полностью устраивает китайских потребителей. А выделение гелия на российской территории приведет к удорожанию ковыктинского газа до 240 долл. за тыс. куб. м, что уже неприемлемо для китайской стороны (которая, кстати говоря, готова потратиться на создание собственных газохимических производств по выделению гелия на границе с Россией). Договориться пока не удается.

Возникает также проблема утилизации выделенных из газа компонентов (гелия, пропан-бутановых фракций), поскольку, несмотря на их очевидную ценность, потребности российской экономики в них существенно ниже тех объемов, которые можно теоретически получить из восточносибирского сырья.

Подводя итог вышесказанному, легко убеждаешься: эффективная реализация восточной энергетической политики возможна лишь при системном решении ключевых экономических проблем региона, повышении гибкости российской внешней политики на Востоке и адекватности предпринимаемых усилий ожидаемому экономическому и энергетическому эффекту в будущем. В противном случае, новые потемкинские деревни нам гарантированы.